

18+

А.А. Казаков

ГЛУБИНА

Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. А. Казаков

Глубина. Роман

«Издательские решения»

Казаков А. А.

Глубина. Роман / А. А. Казаков — «Издательские решения»,

В посёлке Сухое Дно, что доживает свой век при исправительной колонии, одиннадцатилетнего Данила не хватится никто. Отец утонул, мачеха пьёт, единственный друг уехал. Когда мальчик сбегает с уроков и проваливается в погреб на территории заброшенного дома, его даже не начнут искать. На глубине трёх метров, среди бетонных стен, где нет ни лестницы, ни выхода, он не один. Рядом не первый день дожидается смерти мужчина. Чтобы выбраться из погреба, Данил придумает то, за что заплатит высокую цену. Книга содержит нецензурную брань.

© Казаков А. А.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Часть 1: До глубины	7
за 8 часов до	7
за 7 с половиной часов до	8
за 7 часов до	11
за 6 часов до	14
за 5 с половиной часов до	16
за 4 часа до	19
за 2 часа до	21
за 1,5 часа до	24
за 1 час до	25
тот самый момент	27
Часть 2: На глубине	29
спустя 5 минут	29
спустя 1 час	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глубина Роман

А. А. Казаков

© А. А. Казаков, 2026

ISBN 978-5-0071-4210-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Наташе.

« — Двигаться можно только вперёд и вверх, — сказала она... »

Роберт Маккаммон

«Жизнь мальчишки»

«Все неприятности, в которые я когда-либо попадал, были вызваны тем, что меня поймали...»

Кормак Маккарти

«Дитя Божье»

«...час в жизни может быть последним...»

Стивен Кинг

«Игра Джералда»

«Все всегда оказываются не такими, как от них ждёшь...»

Уильям Голдинг

«Повелитель мух»

«Здравый смысл подсказывал, что он скорее умрёт от кровоизлияния в мозг, чем от удара молнии...»

Питер Страуб

«Пропавший мальчик, пропавшая девочка»

ОТ АВТОРА

Эта книга — плод авторского воображения. Все люди, места и события вымышлены и не имеют ничего общего с реальностью. Любые совпадения случайны и непреднамеренны.

Посёлок Сухое Дно частый гость в моих произведениях. Это вымышленное место. Я выдумал его, как и исправительную колонию, при которой он расположен.

Все натуралистичные описания сцен выживания в этой книге следует считать выдумкой автора и ни в коем случае не руководством к исполнению.

Книга не рекомендуется к прочтению лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Приятного чтения.

Часть 1: До глубины

за 8 часов до

Закончился первый месяц учебного года, и наступивший октябрь вот-вот должен был принести с собой снег. Тот скрыл бы грязь и вымокшие под нескончаемым дождём листья. Они устилали разбитую, некогда асфальтированную дорогу. Вид на неё открывался из окна углового кабинета школы, где шёл урок географии.

Да, конкретно в этот день дождь шёл не переставая. Данил Северин сидел один за последней партой, хотя в классе хватало других свободных мест, поближе к учителю. Такая погода не сулила ему ничего, кроме тоски. Впрочем, как и само утро этой пятницы.

Возможно, как и вся будущая жизнь.

Он не обратил внимания на предательский голосок в своей голове, терзавший его с прошлого лета. С тех пор, как Данил остался без отца.

Зевая, Данил смотрел на одноклассников, девочек и мальчиков, и не слушал учителя: молодую девушку в сером свитере, которая работала в Сухом Дне первый год. То, как она подавала материал, но главное, о чём она рассказывала классу, клонило Данила в сон. Вкупе с тем, как монотонно дождь барабанил по карнизу.

Если бы не рогатка, которую Данил таскал с собой и сейчас крутил в руках под партой, его личное лекарство от тоски, то он наверняка уснул бы на первом же уроке. В последнее время он спал всё больше, списывая это на осеннюю хандру.

Да, день обещал быть тягучим и блеклым, если он не свалит из школы сейчас же. Он поёрзал на стуле, тот заскрипел. Девочка с первой парты, сидевшая у самого выхода, которую все называли Калька, обернулась и бросила на Данила хмурый взгляд.

Данил показал ей язык, и Калька, закатив глаза, отвернулась. Шум поднимать не стала, и на том спасибо.

Мысль о том, чтобы сбежать с уроков, будоражила.

Под кожей зачесалось, словно там забегали муравьи.

День был тупым, это точно. По-другому он его не описал бы. Утром перед школой мачеха снова накричала на него за то, что он не разбудил её. В её понимании, если он встал раньше, то следовало быть ей будильником. Она проспала и опоздала на работу. Как будто это Данил был виноват в том, что она пила до двух ночи и не смогла проснуться вовремя.

Сырой и промозглый день, чтоб его так. Впрочем, как и прочие дни этой осени: тягучие и пасмурные, лишённые как радости, так и желания просыпаться. Нужно было как-то спасать положение.

Позже вечером, оказавшись в западне, наедине со смертью, на глубине трёх метров, Данил убедился, что это был просто не его день.

за 7 с половиной часов до

Дождь не прекращался ни на минуту. Лил косой стеной, заливая побитый асфальт на улицах Сухого Дна. Солнце пряталось за пухлыми серыми тучами, похожими на рыбы брюха. Гремела гроза. Молния разрезала небо, готовая вскрыть тучи и выплеснуть осадки на головы прохожих, одетых все, как один, в пятнистую форму сотрудников исправительной системы.

Взрослые, работавшие в Сухом Дне преимущественно в исправительной колонии, дорабатывали до минимальной пенсии и, выходя на неё, увольнялись, после чего уезжали из посёлка как можно дальше.

Всё это не внушало надежды, делая и школу, и посёлок, расположенный на северо-востоке страны, ещё тоскливее.

В этот день, в пятницу первого октября, Данил сидел на последней парте, крутя под партой железную рогатку с чёрной и жёсткой резинкой посередине. Он сворачивал пожёванные обрывки тетрадного листа в комочки и, прицелившись, стрелял ими в волосы девочкам на передних партах. Его личный рекорд: три слюнявых шарика застряли в волосах отличницы Кальки, прежде чем она сообразила, что её обстреливают.

Учительница, молодая девушка, рассказывала о природных ресурсах, водя тонкой деревянной указкой по карте страны. Карта висела на доске и держалась на тонкой, похожей на резинку от трусов, верёвке. Учительница то и дело прикусывала губу, надрываясь в объяснениях того, до чего детям (Данилу так точно) явно не было дела. Одета в серый и длинный свитер, доходивший ей до колен и связанный, вероятнее всего, из вычесанной собачьей шерсти (пах свитер как мокрая псина), девушка-учитель вызывала у детей в классе насмешки; по классу гулял шёпот, особенно среди мальчишек. Учеников в седьмом классе, где учился Данил, насчитывалось всего двенадцать. Семь девочек и пять мальчиков. Все классы в школе, не только этот, существовали в единичном числе, без параллелей и деления на буквы «А» или «Б», как это принято в городах.

Данилу не было никакого дела до учительницы и её предмета. С тех пор, как умер его отец и Данил остался на попечении мачехи, второй жены отца, его успеваемость просела. Это настораживало учителей, с их же слов, но не самого Данила. Мачеху же его оценки беспокоили в последнюю очередь. Это стояло где-то между желанием утолить жажду горючим и горьким и требованиями о том, чтобы он скрылся с её глаз.

Когда Данил, хихикая про себя, прицелился, чтобы выстрелить снова, девочка, сидевшая перед ним, качнулась на стуле. Ударившись о разрисованную маркером парту, за которой сидел Данил, она сбила ему прицел. И очередной, четвёртый по счёту выстрел пришёлся влево и вверх. «Плевалка» угодила в карту на доске.

Раздался глухой шлепок: липкая и скользкая бумага ударилась о плотную и гладкую поверхность карты. Соскользнув, «плевалка» упала на крашеный дощатый пол.

В классе поднялся смех. Все, или почти все, обернулись к нему.

— Северин! Всё, с меня хватит! — простионала учительница и направилась к нему. Преодолев разделявшее их расстояние, а это весь кабинет, стуча при этом каблуками, она остановилась перед ним и протянула раскрытую ладонь. — Отдай мне эту штуку сейчас же! Ну-ка! Давай сюда.

Лицо её, обычно розовое и улыбчивое, пылало жаром. Глаза горели.

У неё, месячные, что ли?

Он хихикнул, хотя не до конца понимал, что именно это значит.

Ему хватило ума удержать язык за зубами.

— Что смешного, Северин?

— Ничего, — ответил Данил.

Он держал руки под партой, сжимая рогатку за металлическое хромированное основание.

— Тогда почему ты смеёшься? — не унималась учительница, бухтя. Щёки её надулись, она сверлила его взглядом.

— Погода дурацкая, — ответил он, как будто это хоть что-то объясняло.

Вмешалась Калька, девочка, в которую стрелял Данил. Тот факт, что она сидела дальше всех от Данила, делал её привлекательной мишенью: на ней было удобно упражняться в меткости.

— Рогатка его отца, он вам её не отдаст. Скорее, жизнь свою отдаст, чем рогатку.

— И как это понимать? — спросила учительница.

— Оставили бы вы его, правда...

Учительница глянула на Кальку так, что девочка тут же замолчала.

— Его отец умер прошлым летом. Утонул пьяный в реке. Не тратьте время, рогатку вы не получите, — ответил одноклассник, у которого родители дважды в год летали в отпуск, а на прошлый Новый год купили ему домой диджейский пульт, который тот так и не смог освоить.

— Заткнись, — ответил Данил, шипя и обращаясь к однокласснику.

Тот скорчил недовольную морду, как кот, которого ткнули в его же собственное дерьмо, и отвернулся.

— Хватит! Северин, выходи из класса! — сказала учительница. Уперев одну руку в бок, от чего свитер натянулся на груди, она указала другой рукой на дверь. — К следующему уроку доклад по теме природных ресурсов всех областей и регионов страны!

Одноклассники зашептались. Все смотрели на него. Учительница велела ученикам вернуться к изучению контурных карт. Кто-то, пара человек так и поступили, потеряв интерес к Данилу. Но большинство продолжили наблюдать, хотя бы искоса, исподлобья.

Он убрал рогатку в карман выцветших джинсов. Она не вошла целиком, наружу торчала широкая полоска чёрной резинки. Поправил густые русые волосы, пряча глаза под чёлкой.

Было бы лучше, если бы у него были солнцезащитные очки, как у его отца. Если бы он только мог их найти, то сидел бы в них на всех уроках, чтобы учителя точно не смогли считать его эмоции. Но очки утонули вместе с отцом. И если отца нашли на третий день, плавающим в двух километрах от берега, вниз лицом, то очки ушли на дно реки.

— Ладно, — ответил Данил, поднимаясь из-за парты и закидывая свои письменные принадлежности (рабочую тетрадь, ручки, а также атлас и контурную карту) в рюкзак. — Как скажете, вы здесь главная.

В последнем слове явно слышался сарказм. Одноклассники посмеялись.

— Вон отсюда! — прошипела учительница сквозь зубы, глаза её расширились и тут же сузились.

Данил закинул рюкзак на плечо, на одну лямку. Шагая между рядами парт, он прошёл через кабинет. Одноклассники следили за ним, перешёптываясь.

Дойдя до двери, он взялся за ручку и обернулся.

Скажи ей скажи ей скажи ей...

Прежде чем сказать, он подумал, выдержав паузу.

— Ну почему вы такая стерва, а? — спросил он, обращаясь к учительнице.

Это прозвучало как приговор, Данил смотрел на неё не моргая. Дыхание его было ровным.

Класс оживился. По кабинету пронеслась новая волна звуков. Но это были не возгласы и не смех. То было удивление, смешанное с испугом. Девочки охали, прикрывая рты руками. Некоторые из парней опустили головы, прикрыв лица руками, изображая стыд за Данила.

Калька, чей взгляд он перехватил, покачала головой.

Учительница, попавшая в такую неоднозначную ситуацию впервые, молчала. Стояла и хлопала ресницами.

Когда она наконец открыла рот, голос её дрожал, а слова звучали на грани истерики:

— Жди меня в коридоре до конца урока, а потом мы пойдём к директору. А теперь: вон отсюда! Вон из кабинета, Северин!

— А говорили, что станете повторять, — ответил Данил.

Выйдя в коридор, он аккуратно прикрыл дверь за собой.

за 7 часов до

Он сходил в туалет, не желая маячить в коридоре на глазах у других учителей. Некоторые из них ему нравились, во всяком случае раньше. Особенно учитель физики, кабинет которого располагался на этом же этаже. Всё, что поддавалось логике, интересовало Данила: механизмы, работающие по законам, и сами законы, которые повелевали природой, ни перед кем не отчитываясь.

В туалете пахло табаком и хлоркой, кто-то из школьников покурил здесь: под потолком плавал дым. Спустив за собой воду в кабинке туалета, Данил вымыл руки в раковине. В стоке застрял размокший окурок.

Данил подошёл к запотевшему окну и, водя по нему пальцем, написал:

Почему плохо мне, а не вам?

Он нащупал рогатку в кармане, подержался за неё. Потом сунул рогатку в рюкзак, чтобы не потерять.

Данил вышел из туалета, пока кто-нибудь из учителей-мужчин не зашёл отлить и не решил, что это он тут курил.

Именно в этот год, когда Данилу Северину и без того было невесело, его друзья как один разъехались по стране, оставив его в одиночестве. В седьмой класс он пошёл один. Он был младше других одноклассников на целый год, так как пошёл в школу раньше: так решил его отец, и тогда Данил не возражал. «Ты мой маленький гений, да? Всех уделаешь». В свои одиннадцать лет Данил Северин весил всего тридцать пять килограммов при росте в смехотворные сто тридцать пять сантиметров.

А теперь отца не было, и его маленький гений слонялся по пустому коридору школы, из угла в угол, от одной выкрашенной в зелёный цвет стены к другой. Плевал в горшки с засохшими цветами на подоконнике и давил сонных или засохших мух в деревянных рамах на окне.

Интересно, как там поживает Марк?

Данила выгоняли с уроков и раньше, но чаще за то, что он смеялся, переговариваясь со своим другом, Марком Араслановым. Марк уехал в августе за две недели до начала нового учебного года. Прощаясь с ним, Данил бежал по дороге за машиной, в которой ехал Марк с родителями, сестрой и собакой. Марк смеялся, утирая слёзы и глядя на него с заднего пассажирского сиденья, крутя пальцем у виска.

Машина тащилась по разбитой главной дороге, едва ползла, огибая выбоины в асфальте, местами засыпанном щебнем, размытым дождевой водой. Данил проводил их до выезда из Сухого Дна: здания мёртвого железнодорожного вокзала с выбитыми стёклами в окнах и рассыпавшимися каменными ступенями. Там дорога шла к городу, и асфальт становился ровнее, не как после землетрясения. Автомобиль семьи Араслановых быстро набрал скорость и, миновав единственное кладбище на холме, скрылся за поворотом.

Данил смотрел им вслед, думая, что бежал скорее ради забавы, чтобы обогнать машину, ветер и тоску, что одолевала его.

Да, если бы Марк Арасланов был здесь, он нашёл бы, что сказать учительнице. Как её успокоить и не дать ей отправить Данила к директору. Марк сказал бы что-то вроде: не считите за грубость, но мы изучаем дальнобойность наших снарядов, чтобы в случае нападения на нас стаи раздосадованных птиц быть готовыми к атаке и спасти весь класс. После такого учительница лишь рассмеялась бы. Сделала бы замечание. Урок продолжился бы, и Марк, который всегда и на всех уроках сидел вместе с Данилом, хлопнул бы его по открытой ладони, дал бы пять. Если кто и умел улаживать конфликты, то это Марк. Он был порохом в их тандеме, а Данил был тлеющим фитилём петарды.

Особенно после смерти отца.

Когда Даниле надоело ждать конца урока, он спустился со второго этажа на первый по лестнице, держась за расшатанные перила. Там ему навстречу попались несколько учеников младших классов, которые горланили так, будто в школе были лишь они одни.

— Тсс! Уроки идут, малявки, — сказал им Данил.

Второклассники, мальчик и две девочки, виновато кивнули. Девочка с косичками и белыми бантами сказала писклявым голосом:

— Простите нас. Мы так больше не будем.

— Конечно, не будете. А то пойдёте к директору. Ясно?

Все трое, испугавшись, закивали с большей силой.

— Всё. Брысь отсюда, — скомандовал им Данил.

Второклассники ускорили шаг, а затем и вовсе побежали к кабинету, не оглядываясь. Их шаги отдавались эхом в пустом коридоре первого этажа.

Почему бы просто не забрать куртку из гардероба, а потом выйти из школы как ни в чём не бывало?

Нет необходимости ждать окончания урока, чтобы пойти к директору. Тот не скажет Данилу ничего нового. Выслушает учительницу, покивает, потирая густые седые усы, и скажет, что нужно вызвать в школу мачеху Данила.

Уйти казалось верным решением. Ему ещё предстояло наведаться в пару заброшенных домов, а желательно и несколько квартир, чтобы обыскать их на предмет наличия чего-то интересного. С тех пор, как Сухое Дно стали покидать целые семьи, а Данил остался один, у него появилась привычка наведываться в опустевшие квартиры и дома. Рыскать там, переходя из комнаты в комнату, в поисках того самого, что он смог бы унести с собой. А найти можно было много всего интересного: от подшипников, которыми он стрелял из рогатки по бутылкам и птицам, до женского манекена в человеческий рост. На тот момент манекен был его самой интересной находкой. Данил хранил его в сарае за домом, в котором жил с мачехой. Она не знала, что Данил украл у неё ярко-красную помаду, которой покрасил манекену губы, а также шёлковый халатик, в который одел манекен. Проснувшись с похмельем, мачеха не обнаружила своего халата, который обычно скидывала с себя прямо на пол. Искала его так долго и усердно, заглядывая в каждый угол в доме, перерыв набитую до отказа корзину с бельём, но так и не нашла. В сарай она никогда не заглядывала, опасаясь крыс, которые ползали там по скопившемуся мусору.

У Данила была на примете пара мест, куда он мог бы сходить хоть сейчас. Одна квартира, и один дом. И то, и другое жилища были заброшены. Жильцы квартиры недавно уехали, а женщина, которой принадлежал дом, умерла этим летом от аневризмы мозга.

Данил зашёл в гардероб, огороженный высокой кованой решёткой. Забрал красную ветровку с капюшоном с вешалки и направился к выходу из школы.

Его перехватил секретарь директора, упитанная женщина в возрасте, одетая в полосатый кардиган, широкие брюки и сандалии на голые ноги.

Когда она заговорила, её второй и третий подбородок заколыхались, как жабры.

— И куда это мы собрались, молодой человек? Уроки только начались. И это в такую промозглую погоду!

— Да, погода дурацкая, вы правы, — ответил Данил, потупив взгляд, принимая виноватый вид, чтобы поскорее избавиться от неё. — Моя мачеха болеет. Нужно сходить в аптеку и забрать лекарства для неё. Там знают, что я приду.

— Ждут тебя, значит, — сказала женщина, разглядывая Данила с недоверием. Потом спросила, как его имя. Он назвал.

Её глаза блеснули. Она ответила так, словно этим всё было сказано.

— Ах, ясно. Ну что же, иди, раз нужно. Только потом сразу обратно, понял?

Данил кивнул, хотя возвращаться сегодня уже не собирался.

- И пожелай своей матери... мачехе... здоровья.
- От кого это?
- От... всех нас... учителей... и администрации школы. Хорошо?
- Ладно. Если так надо.

Когда он выходил из школы в то пасмурное утро, за спиной раздался звонок: началась перемена. Послышались крики детей, старшеклассники выбежали на улицу, чтобы покурить за углом. Они прикрывали головы кофтами, натягивая их, в попытке скрыться от дождя.

Следуя их примеру, Данил тоже прикрыл голову двумя капюшонами: один от кофты, второй от ветровки. Потом сбежал по каменным ступенькам школы и оказался под дождём.

Если бы он знал, что больше никогда не вернётся в школу, то обрадовался бы. Что могло быть хуже, чем ходить туда, где у тебя нет друзей? Где время замерло и умерло, ещё до твоего рождения?

Но он радовался бы лишь до тех пор, пока не узнал, что именно уготовил ему этот день.

за 6 часов до

Данил пересекал единственный существующий в Сухом Дне стадион, на котором летом играли в футбол. Рюкзак, который он всё так же нёс на одной лямке, бил по спине при ходьбе. Футбольное поле превратилось в болото со стоячей водой. Между плешивыми островками вытоптанной травы собрались большие лужи. Баскетбольные кольца тряслись на ветру, а столбы, к которым они крепились на зацементированной площадке, покосились. Перекладина турника просела, опора расшаталась. По периметру стадион ограждал покосившийся забор с сеткой-рабицей. На том месте, где раньше стояли трибуны, торчали обломки: синие доски выпирали в разные стороны, скрытые под высокой жёлтой травой. Данил обошёл футбольное поле по кругу, шлёпая кроссовками по лужам на растрескавшемся асфальте.

За последние пять лет, число жителей в Сухом Дне, сокращаясь, упало сначала вдвое, а к сегодняшнему дню от прежней цифры не осталось и десятой части. Сейчас, насколько он знал от мачехи, число осуждённых, отбывавших наказание в исправительной колонии, в разы превышало население посёлка.

Стадион был пустым, если не считать старика в дождевике, который стоял у ангара без окон, обитого красными железными листами, и его старого промокнувшего пса: тот лежал на почерневших опилках, которыми когда-то засыпали беговую дорожку. Пса звали Гром, и Данил знал его.

— Похоже, каток этой зимой снова не заработает, — сказал старик.

Он курил, выдыхая дым в сторону. В такой сырости сигаретный дым висел над его головой, точно облако, никак не рассеиваясь.

— Я был на этом катке всего раз или два, с Марком, — ответил Данил.

Он встал рядом со стариком под навесом, выступающим над запертой дверью ангара. На двери висел ржавый замок на цепях. Дождь стучал по ангару, отбивая тоскливую дробь.

При появлении Данила, Гром поднялся, встряхнул чёрной шерстью, разбрасывая капли вокруг себя. Понюхал протянутую руку Данила, зевнул. И сел рядом.

— Да, помню. Я водил вас. Вы были не намного младше, чем сейчас. Почти такие же.

— Кхе, ну... пять лет прошло, ага.

— Так быстро? Что же ты тогда не вырос совсем? — ответил старик, он был высоким и смотрел на Данила сверху вниз, наклонив голову.

Данил не обиделся. Не вырос и не вырос. От него это никак не зависело.

Левый глаз у старика заплыл пеленой от катаракты, на худом и морщинистом лице была седая щетина. Одетый в дождевик поверх пятнистой куртки и резиновые сапоги, он протянул Данилу руку и сжал его маленькую ладонь длинными грубыми пальцами.

Пока внук не уехал, старик водил Данила и Марка на рыбалку. Он же учил их ориентироваться на местности в лесу, когда они ходили собирать лисички. Это было прошлой осенью, уже после того, как не стало отца Данила.

При новом порыве ледяного ветра навес, сделанный из железных листов, затрещал и закрипел, готовый рухнуть им на голову. Данил улыбнулся старику в ответ, с его длинных русых волос капала вода. Данил откинул волосы и вытер лоб тыльной стороной ладони.

Данил погладил пса, который не отходил от него, по морде, к пальцам прилипла шерсть.

— Как там Марк? Устроился на новом месте?

— Вы что, не разговаривали, что ли? — старик удивился.

— Нет. С тех пор, как он уехал.

— Вот же мелкий пакостник! Как только свяжусь с ним, скажу, чтобы немедленно тебе позвонил.

— Лучше бы, чтобы написал. Сейчас никто никому не звонит. Ну почти.

— А вот я звоню. Писать надо письма, понял? Не эти ваши... записки. А письма.

— Как скажете. Передайте, чтобы написал мне. Или позвонил.

Старик затянулся сигаретой причмокивающим звуком, и даже сквозь шум дождя Данил услышал, как зашипел тлеющий окурочок.

— А ты почему не в школе?

— Отпустили, — соврал Данил.

— Вот как? А домой почему не идёшь?

— Хочу пройтись по кое-каким местам.

— По каким таким местам?

— Ну... всяким-разным.

— Не понял.

Данил вздохнул. У старика и правда были проблемы с памятью. Как и говорил Марк. Родители Марка настаивали на том, чтобы дед переехал в город вместе с ними. Но тот наотрез отказался покидать Сухое Дно, где родился и прожил всю жизнь. И не дал забрать им с собой Грома.

На месте старика Данил тоже не поехал бы. И собаку бы не отдал.

— Мы ведь виделись с вами. В прошлую среду. Здесь же. Не помните? Вы гуляли с Громом, тогда тоже шёл дождь. Но не такой скотский, как сейчас. Я друг вашего внука.

— Это я знаю, парень. Имени, правда, твоего не помню. И то, как видел тебя на той неделе. Но раз ты говоришь, значит, так оно и было.

— Было-было. Я дам ему печенье?

— Кому? Псу-то? Дай, конечно.

Данил снял рюкзак, достал целлофановый пакет с печеньем, которое его мачеха готовила на сале. Твёрдое, на вкус оно было как кора дерева. Он таскал его с собой, чтобы перекусить в школе. Но сегодня аппетита не было.

Печенье было размером с хоккейную шайбу. Данил протянул одну штуку Грому. Тот сначала обнюхал печенье и лишь после этого аккуратно взял его в пасть. Похрустел, проглотил. Расправившись с ним, Гром облизался и сел, ожидая добавки.

— Вкусно, да? Наверняка. Но ты больше не давай ему, — сказал старик и рассмеялся, обнажая беззубый рот. — А то он обедать не станет.

— Ладно.

— Ты бы тоже аппетит не перебивал.

В сером небе среди туч сверкнула молния.

— Ступай-ка лучше домой, пока гроза не началась.

— До свидания. Пока Гром.

Уходя, Данил погладил пса, тот облизнулся, но за ним не последовал.

Он убрал оставшееся печенье в рюкзак, шагая в направлении заброшенных многоэтажных домов. Пересёк разросшиеся кусты у дороги, забрался на широкую ржавую трубу: она проходила по земле. Обернувшись, Данил посмотрел на старика и его собаку. С того места, где он стоял, их частично скрывала сваленная как попало сгнившая поленница дров. Они всё так же прятались под навесом, не глядя на него. Данил развернулся и, спрыгнув с трубы, приземлился в лужу.

Вокруг не было ни души. Он шёл по разбитой асфальтированной дороге, кроссовки его хлюпали. Этот чавкающий звук напомнил о старике, курившем сигарету. О собаке, которую он всегда хотел завести, но у мачехи была аллергия на шерсть. Хотя, по мнению Данила, у мачехи была аллергия на всё, даже на людей.

Дождь усилился, небо гроыхнуло и засверкало молниями.

Данил ускорил шаг, а когда замёрз и вовсе перешёл на бег, огибая лужи и придерживая рюкзак за лямку.

за 5 с половиной часов до

Телефон зазвонил в третий раз, когда он шарил в одной из заброшенных квартир на третьем этаже нежилого многоквартирного дома. Звонила мачеха. Видимо, с ней связалась администрация школы, чтобы сообщить о том, что он просто ушёл. Не впервой.

Данил сбросил звонок и убрал телефон в карман куртки. И продолжил обследовать квартиру, в которую попал без всякого ключа: входная дверь была открыта.

Ещё летом в этой квартире жила семья из пяти человек, а к сентябрю опустела. Мальчик, который жил здесь прежде, учился в классе Данила. В школьной столовой они обедали вместе и иногда разговаривали о пиратах. Этот мальчик считал, что было бы круто отпилить себе ногу и сделать протез в виде деревянной ноги. Данил не разделял его мнения и про себя называл его «тот самый одноногий горе-пират». Что его самого занимало в пиратах, так это сокровища: если они и правда зарывали золото по всему миру, то сколько его ещё не найдено?

Он ходил по пустым меблированным комнатам, переходя из одной в другую, заглядывая в шкафы, тумбы и серванты. Кровати с диванами, как и столы со стульями, остались на своих местах, но успели покрыться пылью. Исчезла вся техника, бывшие жильцы забрали её с собой, как и одежду. В спальне он нашёл пачку сигарет, там было две штуки, забрал с собой. Он не курил, как и его отец, но эту находку всегда можно было обменять на что-то интересное у старшеклассников. Например, на подшипники, которыми он стрелял по мишеням в форме безликих людей, которые стояли в ряд на заброшенном стрельбище за Козьим мостом. Сейчас ходить за тот мост было опасно. Это была окраина посёлка, и там начинался густой лес: хвойные деревья смешивались с лиственными породами, стоя друг к другу плотными рядами, вытесняя друг друга и борясь за солнечный свет. Туда же, в лес, ушли многие брошенные собаки. Те, кого оставили прежние хозяева, в спешке покидая Сухое Дно.

Данил посидел в спальне на кровати без матраса, который, видимо, тоже забрали с собой жильцы. Как и лампочки в люстрах, хотя сами люстры остались висеть под растрескавшимся потолком, покрытые паутиной. Он думал о том, что скажет мачехе. В голову ничего не шло. Объясняться перед ней, оправдываться... Это было выше его сил. Решил, что пока не придумает, то и отвечать ей не станет.

Он прошёл в гостиную, где из примечательного был только камин в стене. Квартиры на последнем этаже этого дома могли похвастаться каминами. Он подумал о том, как было бы здорово посидеть у зажжённого камина, слушая треск поленьев в огне: пока ешь мороженое и смотришь телевизор с отцом.

Мысли об отце вызвали у него слёзы. Данил смахнул их и заглянул на балкон. Там он увидел велосипед, пощёлкал переключателем скоростей: тот работал. Провёл пальцем по цепи, вымазался в засохшей смазке и растёр её по руке. Спущенные шины, седло отсутствовало. В остальном велосипед был как новый. Удача, подумал Данил, улыбаясь.

Вытащив велосипед в гостиную, он покатал его вдоль дивана, слушая мерное пощёлкивание звёздочки на колесе. Проблема была в том, что он презирал велосипеды. Это было первое, что связало его с Марком Араслановым. Общая неприязнь к двухколёсному транспорту. Из всего класса (а когда он пошёл в школу, в их классе насчитывалось больше тридцати человек) они двое, хоть и умели ездить на велосипедах, но терпеть это не могли. Между собой они сошлись во мнении, что велосипеды либо для спортсменов, либо для детей. И хотя оба были детьми, признавать этого не собирались. Как если бы это было какой-то слабостью, а не свободой.

Раньше он мог бы сдать велосипед на металлолом. До этой осени в Сухом Дне был человек, который принимал такие штуки.

У Козьего моста жил Цирроз: мелкий предприниматель и бывший заключённый, прозванный так из-за желтоватого цвета лица. Он принимал всё, от велосипедов до битых машин, и давал неплохие деньги. Прошлым летом, когда умер отец, Данил с Марком не раз сдавали ему рельсы, штанги и сгнившие части автомобилей, которые находили то в чужих, брошенных сараях, то вылавливали из карьера за Козьим мостом. Марку это доставляло удовольствие. Данил же смог купить себе первый телефон и немного новой одежды, в том числе ту, которая сейчас была на нём. Отец любил выпить не меньше мачехи, и лишних денег в семье не было.

Но в этом году Цирроз умер: замёрз пьяный в сугробе на новогодних каникулах. Его опустевший дом стал самым лакомым куском для Данила. Он надеялся отыскать там всё, что угодно, настоящие сокровища, но нашёл лишь женский манекен, который теперь стоял в сарае.

И сдавать металлолом больше было некому.

Телефон зазвонил в четвёртый раз, и он снова не ответил. Следом пришло сообщение. Его он прочитал.

Мачеха написала ему:

Если ты, паршивец, не вернёшься в школу сейчас же, я запру тебя в комнате на все выходные. Меня из-за тебя снова вызвали к директору! И это пока я въёбываю на работе. Быстро в школу! И не вздумай снова сбрасывать и пропускать мои звонки.

Эта угроза не подействовала на Данила. Он покачал головой, как будто мачеха его видела.

— Пошла ты, стерва! Ненавижу! — сказал он.

Данил убрал телефон в рюкзак, чтобы наверняка не слышать ни звонков, ни уведомлений о сообщениях от мачехи: бросил его к рогатке, тетрадам и учебникам, ручкам, печенье в пакете и найденной здесь же, в квартире, пачке сигарет.

Потом вернул рюкзак на плечо и стал думать, как ему поступить.

Если провести вне дома весь день и вернуться лишь вечером, то мачеха уже будет в баре. Сегодня пятница, и каждую пятницу она уходила в единственный оставшийся в Сухом Дне бар под названием «Престиж», откуда возвращалась либо ранним утром в субботу, либо и вовсе в воскресенье. Пока отец был жив, они вместе ходили в бар, но отцу там не нравилось. Данил не знал, почему. Возможно, отцу надоедало оттаскивать жену от других мужчин, к которым она липла, как муха к говну. Данил не знал, так ли это, но Марк говорил, что, скорее всего, дело в этом. Теперь же, когда муж умер, мачеха позволяла себе не появляться дома все выходные. Оно и к лучшему.

Но даже если бы она вернулась в субботу утром, то проспала бы до вечера. А проснувшись, не смогла бы ничего ему сделать, так как умирала бы от похмелья. В такие дни она, как правило, вставала с кровати лишь чтобы сходить в туалет. Данил приносил ей воду в графине в спальню и овощной суп, который варил сам на плите. Если бы она сегодня напилась, ему, признаться, это было бы на руку. Тогда она не стала бы донимать его расспросами о том, что произошло в школе. Почему он ушёл и за что её вызвали к директору? Данил прикинул в уме, подсчитал. Выходило, что мачеху вызвали в третий раз за этот учебный год. В первый раз он не появлялся в школе три дня, хотя она думала, что он там. В другой раз он ударил мальчишку-восьмиклассника за то, что тот оскорбил его отца. Назвал того «жалкой пьянью, который пошёл на корм рыбам». Такого Данил не смог выдержать. Сбил того с ног в школьной столовой и бил, пока его не оттащили учителя.

После этого Данила отправили к школьному психологу, который выявил у него тоннельное мышление. Данил понял это так: навык концентрироваться, заикливаться на чём-то одном, не беря в учёт всего остального вокруг, даже самого, казалось бы, очевидного. Очевидным, по мнению психолога, было промолчать, не отвечать силой на оскорбление. Сам же Данил не считал своё мышление плохим. Как и не думал о себе, как о злодее, избивающем людей налево и направо.

И вот теперь они снова хотят поговорить. В кабинете директора.

Даже соберись все они вместе в одном кабинете, директор, мачеха и учителя, Данил при желании не смог бы всем им объяснить, какую вынашивает у себя в груди пустоту. Имя ей было: тоска, и размеры её превосходили размеры вселенной.

Думая об этом, Данил забыл, что стоит посреди чужой гостиной с велосипедом, держа его за руль. Он бросил его на пол, тот рухнул с грохотом.

Данил пнул велосипед, колесо прокрутилось и замерло. Он пошарил в кармане куртки, нашёл спички. Подумал, а не сжечь ли эту квартиру? Растопить камин книгами, оставшимися на полке в комнате, а потом просто уйти.

Это была лишь мысль, и он на ней не задержался.

Вытерев слёзы, Данил убрался из квартиры, полной призраков бывших жильцов.

за 4 часа до

В обед, проголодавшись, Данил достал печенье из рюкзака и принялся грызть. Зубы зудели, пока он пытался прокусить горелую поверхность.

Он вернулся на стадион и теперь сидел под деревом у повалившегося забора. Старика, как и Грома, нигде не было. Здорово было бы побегать с собакой под дождём. Почему он раньше об этом не подумал?

Дождь лил, стуча по асфальту, пригибая жёлтую траву, росшую повсюду, к земле и превращая коричневый песок под поломанным турником в кашу.

Наконец, он разжевал жёсткое печенье, хрустя им на зубах.

В пакете осталось три штуки. Снова доставать рюкзак, снимать его и расстёгивать, было лень. Завернув печенье в пакет, Данил убрал его в карман куртки. Туда же, где лежал коробок со спичками.

В желудке заурчало. Данил мог бы вернуться домой, чтобы поесть нормальной еды, которую, правда, ему пришлось бы готовить самому (лучше всего у него получались овощные супы и яичница). Но это сулило бы ему встречу с мачехой, которая всегда приходила на обед домой. Даже если нечего было есть, если холодильник уже неделю был пуст, мачеха приходила, чтобы выпить двестиписят, как это называл его отец.

Нечего там делать. До вечера так точно.

Нет, домой он не пойдёт. У него ещё оставалось одно не обследованное место. Дом на окраине посёлка. Тот, что за Козьим мостом.

Жительница конкретно этого дома, в отличие от других, покинула Сухое Дно, отправившись в мир иной. Раньше она работала библиотечарем в школе, и все в школе знали, что она скончалась этим летом от аневризмы мозга.

Из разговоров в школе, он почерпнул для себя, что родственников у женщины либо не было, либо не осталось в живых. Вот где могли таиться настоящие сокровища.

Подул порыв ветра, с веток дерева, под которым сидел Данил, закапало. Откуда-то сверху раздался птичий крик. Данил поднял голову. Птица, встряхнув крыльями, сбросила с себя капли. Ворона угольного цвета с большими тёмными глазами. Вцепившись лапами в забор, она передвигалась влево-вправо: топталась на месте.

Ворона следила за ним.

— Кыш! Пошла отсюда, — скомандовал Данил, но птица лишь закричала громче.

Отряхнув крошки, нападавшие на куртку, Данил рыгнул, мучаясь изжогой: это была обычная реакция на печенье мачехи. Пошарил глазами по земле, но не нашёл ни камня, ни палки, которыми можно было бы спугнуть птицу.

Тогда, подруга, тебя ждёт выстрел.

Стараясь не шевелиться, выудил из рюкзака рогатку и нащупал подшипник в кармане куртки. Затаив дыхание, он натянул резинку и, прицелившись, выстрелил в ворону.

Промахнулся. Подшипник попал в сетку-рабицу, проскочил и упал в траву по ту сторону забора.

Ворона расправила крылья и улетела прочь, недовольно крича напоследок.

Мазила.

— Да уж, — ответил Данил самому себе.

Он вернул рогатку в рюкзак. Проверил, остались ли у него подшипники. Порывшись в карманах куртки, не нашёл. Но обследовав рюкзак, обнаружил, что там имелась парочка.

Этот выстрел, пускай и неудачный, поднял ему настроение.

Преисполненный энергии и сил, Данил побежал по лужам, огибая вкопанные в землю автомобильные покрышки. Хохоча и кружась под дождём: один на стадионе, словно последний человек в мире.

за 2 часа до

Всё Сухое Дно можно было обойти за два часа. Стадион располагался в центре посёлка недалеко от парка, в котором не осталось ни лавочек, ни прежде расцветавших каждую весну клумб. До Козьего моста дорога занимала всего час, но у Данила ушли все два. По дороге он встретил друга отца, Щепку. Тот работал водителем и сейчас, управляя бульдозером, крушил здание старого универмага.

Его настоящего имени Данил не знал. По выходным Щепка, тощий и бледный, бывало, приходил к отцу с мачехой, чтобы выпить с ними, и засиживался до утра. Иногда отец и Щепка ездили на рыбалку и пропадали на три-четыре дня. Возвращаясь без рыбы, грязный и пьяный, отец получал от мачехи, которая материла его и хлестала всем, что под руку попадалось. В такие дни Данил предпочитал гулять целыми днями, исследуя заброшенные квартиры и дома. А домой приходил только чтобы поспать.

Щепка был с отцом, когда тот утонул.

— Зачем вы это делаете? — спросил Данил, перекрикивая шум, который издавал двигатель бульдозера. Щепка, сидевший в кабине, выглянул наружу, плюнул на землю и помахал Данилу.

— Ах, пацан, это ты, — сказал он. — Ты чего не в школе?

— Уроки отменили, — ответил Данил. — Учительница заболела.

— Вот как? Все сразу, что ли?

— Что? — Данил не услышал его из-за рёва двигателя.

— Все учителя слегли от болезни, что ли?

— Кхе. Хм. Да. Вроде того. У нас их всего пятеро осталось.

— Учителей-то? Ну и дела. Скоро и этих не будет. Не удивлюсь, если в следующем году мне скажут сносить к хренам вашу школу.

— Кто скажет?

— Ну, как... муниципалитет. Кто же ещё? Я ведь не сам так решил.

— Точно. Понял.

— Кофе будешь?

Щепка достал из-под порванного сиденья поцарапанный пластиковый термос. Открыл крышку, налил в неё кофе. Передал импровизированный стакан Данилу. Кабина располагалась высоко, и чтобы дотянуться, Данилу пришлось подпрыгнуть. Щепка потянулся к нему в ответ, насколько хватило руки, и едва не выпал из кабины.

Данил схватил крышку-стакан в прыжке, пролив большую часть на землю.

— Ты вообще не растёшь, я погляжу. Ну и беда, пацан.

— Расту, просто не так быстро, как другие.

— Ну, как скажешь. Пей и шагай, мне работать надо.

— Я хочу посмотреть, — ответил Данил, потягивая тёплый кофе, морщась от горького вкуса.

— На что это?

— Как вы ломаете. Можно? Я не помешаю.

— Ну смотри, если так хочется. Только отойди подальше. Не мешайся под колёсами. А то задавлю. Закричишь, а я и не услышу даже.

— Ага. Спасибо!

Данил отошёл к дороге, машины по которой ездили лишь когда люди добирались до работы и обратно. Сейчас она была пуста.

Щепка поправил кепку на голове, опустил козырёк пониже. Закрыв дверь кабины и принялся за работу.

Гигантский ржавый ковш поднялся выше кабины. Бульдозер с рёвом направился на то, что осталось от универсама.

Въехав в поломанную стену, так что посыпались кирпичи, арматура вылезла наружу, как поломанные кости, а каменная пыль поднялась и осела в радиусе трёх метров, Щепка поводит ковшом туда-сюда, расшатывая конструкцию. Потом бульдозер отъехал назад, запищал, оглушая Данила предупредительным сигналом, и снова двинулся вперёд.

Данил допил кофе, вылил мутный чёрный осадок на землю. Смотреть дальше было не на что.

Половина двухэтажного и просторного здания универсама превратилась в руины. Опорные балки покосились, каркас болтался на них, как пакет на ветке в ветреную погоду. Крыша рухнула, сравнявшись с землёй. Повсюду валялись осколки грязного стекла и битого шифера. Каменная пыль кружила в воздухе и резала глаза, Данил отвернулся и пошёл дальше. Только дойдя до перекрёстка, обратил внимание на то, что всё ещё сжимает в руке крышку от термоса. Выругавшись про себя, он вернулся назад.

Щепка, выбравшись из кабины, сидел на кирпичах и курил, подставив лицо дождю.

— Ах, вот ты где. Чуть не уволок, да?

— Да. Простите.

Данил протянул ему крышку, Щепка забрал её и стал разглядывать, крутя в руках, как будто впервые видел. Сигарета тлела, прилипла к его потрескавшимся губам, кочуя от одного уголка рта к другому.

Вместе со словами изо рта Щепки вылетал зловонный запах перегара. От этого Данила покорило, и он отвернулся, чтобы его не стошнило.

— Присядешь? Это всё байки, что на камнях сидеть нельзя. Типа геморрой будет и прочее. Брехня! Я всю жизнь так сижу, хоть на земле голой, хоть на камнях. И ничего. А дома и вовсе сплю на полу, как тебе такое, а?

— Впечатляет. Но нет, я постою.

— То-то и оно. Как там твоя мать? Давно её не видел.

— Мачеха. Нормально вроде.

— Да, точно. Не ругаетесь?

— Бывает.

— А что так?

— В школу вызывали. Сегодня в третий раз.

Щепка поднял козырёк слежавшейся кепки, почесал лоб, оставляя на нём грязные разводы от пальцев. Он ухмыльнулся, обнажая кривые маленькие зубы нездорового цвета.

— Набедокурил, значит? Твой отец тоже не отличался послушанием. Мы с ним учились вместе в школе, с твоим стариком. Он рассказывал?

— Да. Что-то припоминаю. Ладно. Мне пора.

— Ну, пора, так пора. Бывай, пацан. Матери привет передавай. Скажи, что я загляну на выходные.

— Этих?

— А что, нельзя?

Щепка плюнул себе под ноги. Данил пожал плечами.

— Можно, наверное.

— Ну, тогда так и передай.

— Ладно. Пока!

Дождь усиливался, и Данил поспешил обратиться с дороги. Добравшись до тротуара, выложенного из почерневших и вздувшихся досок и усыпанного сгнившими жёлтыми листьями, он пошёл под голыми деревьями, сильнее кутаясь в куртку. Обернувшись и не увидев никого, кто бы за ним наблюдал, нацепил рюкзак на спину, просунув руки в обе лямки. Плевать, если

кто-то увидит, что он носит рюкзак, как малыш. Придерживать его за одну лямку он больше не мог: пальцы окоченели. Когда он шёл, внимательно следя за тем, куда ступает, чтобы не провалиться в доски на тротуаре, изо рта у него вырывался пар, а воздух был колючим, как и положено в преддверии зимы.

за 1,5 часа до

Дом, в котором жила умершая женщина, стоял обособленно от других, за Козьим мостом. Ориентиром служили три сосны, возвышающиеся над рекой. Они росли на другом берегу. Сам мост был узким, пропускающим за раз всего одну грузовую машину. Мост простирался через реку, которая весной разливалась так, что неоднократно топила под собой всю эту шаткую бревенчатую конструкцию.

Что странно, Козий мост ни разу не смывало за все годы паводков. Но что ещё интереснее: Данил ни разу не видел в Сухом Дне ни одной козы, и понятия не имел, почему мост так называют.

Он передвигался по мосту с осторожностью, глядя под ноги и перескакивая через дыры между досками. По центру моста, чтобы скрыть брешь, через которую было видно журчащую воду мутной реки, красовалась входная дверь из фанеры. Покрашенная, с облупившейся белой краской и мокрая от дождя. Она лежала слегка повёрнутая, прикрывая брешь в мосту.

Данил поскользнулся на двери-заплатке, когда перешагивал через очередную пробоину, и едва не растянулся во весь рост. Он вовремя схватился за перила, обветшалые и расшатанные, сделанные из не струганых досок.

Поймал ладонью занозу.

Перила покачнулись, но выдержали, когда он наклонился над рекой. Он отступил на два шага, переводя дыхание.

— Вот же чёрт! — выругался Данил, остановившись, чтобы рассмотреть занозу.

Подцепил её ногтем большого пальца, достал полностью и сдул с ладони. Под кожей остался след.

Оставшуюся часть моста он преодолел за считанные секунды, перескакивая дыры, ступая на ржавые скобы, которые скрепляли первоначальную конструкцию вместе.

Оказавшись на другом берегу, стоя на расколотых бетонных плитах, уложенных в два ряда, которые вели в густой лес, сколько хватало глаз, он выдохнул. Данил осмотрел берег, поросший высокой травой. Людей не было. Ни лесников, ни зевак, ни рыбаков на обрывистом берегу. Дорога была пустой и безжизненной. Раньше по ней ездили лесовозы, так говорил отец.

Разгулявшийся ветер сотрясал тёмные и скрюченные верхушки деревьев, пронизывал Данила до костей.

Может, повернуть назад? Плевать на этот дом. Можно и потом его осмотреть. Едва ли там вообще будет хоть что-нибудь стоящее.

Нет, он прошёл через полпосёлка, преодолел Козий мост, получил занозу, и оставшийся от неё след на ладони был как шрам, подтверждающий серьёзность намерений. А теперь развернётся лишь потому, что замёрз?

Пролетела ворона, мерно работая крыльями. Села на дорогу и стала клевать бетон. Нельзя было сказать, была ли эта птица той же, которую он видел на стадионе. Ворона не смотрела на Данила. Шагала из стороны в сторону, царапая серый и мокрый бетон когтями, стуча клювом, словно выискивая зацементированных червяков.

— Это бетон, дура. Зря стараешься, — сказал Данил, но доставать рогатку и стрелять по птице в этот раз не стал.

Собравшись с силами, Данил двинулся в сторону заброшенного дома, одна сторона которого виднелась с того места, где он стоял. Их разделяло некошеное поле жёлто-коричневой травы. Оно заканчивалось теми самыми тремя соснами.

Поправив рюкзак, Данил вытер выступившие над губой сопли и направился к соснам, пересекая поле, трава на котором доходила ему до груди.

Чтобы оттуда добраться до дома, а точнее, до погребца, который его поглотит.

за 1 час до

Когда он, наконец, добрался до дома женщины-библиотекаря, его ноги промокли насквозь. Лицо чесалось от веток, которые хлестали по нему, пока он шёл от трёх сосен, прокладывая себе путь через кустарники. Рассекая кустарники длинной палкой, которую он подобрал в поле, он представлял себя исследователем, затерявшимся на необитаемом острове, который орудует мачете.

Данил шагал вперёд, почва под ногами чавкала. Тропинки как таковой не было, либо она заросла. Но эта местность была не заболочена, что не могло не радовать. Имелись разумные сомнения в верности того пути, что он выбрал.

Если женщина, жившая здесь, добиралась до школы, где работала библиотекарем, и делала это каждый день, то должна быть дорога, ведущая от бетонных плит к её дому.

Вероятно, ему следовало пройти глубже в лес, не сворачивая в поле, чтобы дойти до дома более сухим, быстрым и просто безопасным маршрутом.

Вот что значит тоннельное мышление, парень. Держи это в уме.

— Очень смешно, — ответил Данил, ни к кому конкретно не обращаясь.

Дом вырос перед ним, показавшись из-за деревьев.

Обычный кирпичный дом, одноэтажный. Стена со стороны реки поросла мхом, на окнах с деревянными рамами были трещины. Данил обогнул дом, слушая, как стучит его сердце. Вокруг никого не было, во всяком случае посторонних звуков он не слышал.

Он поднялся на крыльцо, ступени из досок закрипели. Веранда с перилами пустовала, на дощатый, местами вздувшийся пол намело грязной листвы.

В конце веранды друг напротив друга стояли два плетёных кресла. Данил сел в одно из них, кресло оказалось холодным и твёрдым, как камень.

Он огляделся. Двор был просторным и пустым. Неухоженным, да. Поросшим сорняком и травой.

Посреди двора из-под земли возвышался каменный колодец. У Данила замёрзла задница от сидения в кресле, и он сорвался с места, подбежал к колодцу. Держась за каменное кольцо, заглянул внутрь. В грязной и мутной воде плавали ветки.

Он толкнул палкой, с которой так и ходил, ведро, закреплённое цепью к лебёдке: оно зазвенело и покачнулось, потом замерло.

По водостоку над крыльцом дома дождевая вода стекала в переполненную металлическую бочку. Весь двор был залит водой. В грязи виднелись следы автомобильных шин, они вели прочь от дома и уходили к размытой грунтовой дороге. Та, в свою очередь, выходила к бетонным плитам. Вот она, безопасная дорога, которая избавила бы его от лишнего блуждания и сохранила бы ему немало сил.

Следы шин были свежими.

Странно.

Зазвенели колокольчики над дверью. Вереница металлических трубочек, скреплённых между собой цепочкой. Ветер игрался с ними, как со своей любимой игрушкой.

Данил обернулся, огляделся, но никого не увидел. Потом прислушался.

Никого.

Прежде чем зайти в дом, Данил решил пройти по двору, обойти дом по кругу, заглянуть в окна, а уже потом, будучи уверенным, что внутри никого нет, приступить к поискам сокровищ. Он прошёл вдоль веранды, не выпуская из рук палки на случай, если из леса покажется одна из тех одичавших псин, что ушли сюда жить после отъезда своих хозяев из Сухого Дна.

Окна располагались высоко над землёй. Дойдя до угла дома, Данил подпрыгнул, чтобы заглянуть в одно из них. Но безуспешно, ничего не увидел. Рост в сто тридцать пять сантиметров.

ров не позволял. Тогда, вернувшись на крыльцо, он взял плетённый стул с веранды, притащил его к окну. Для этого пришлось оставить палку, прислонить её к перилам. Дотащив стул до угла дома, он поставил его на сырую землю. Встав на стул, приложил руки к стеклу по бокам от своего лица и заглянул внутрь.

Комната выглядела пустой и нежилой. Возможно, её разграбили. Или родственники женщины, если они у неё, конечно, были, вывезли вещи после смерти хозяйки дома. Он увидел лишь железную односпальную койку без матраса, ковёр на стене над ней, приоткрытый шкаф у дальней стены, а также часть старого комода, сделанного из массива дерева. Вся мебель стояла на голом деревянном полу.

Да, улов обещал быть скучным.

Тащиться в такую даль ради того, чтобы побродить по пустому дому. Второй заход за день и снова мимо.

Данил уже собирался слезть с плетёного стула, когда произошли сразу две вещи.

Первая: стул под ним лопнул, и Данил рухнул с него. Одна его нога застряла в сиденье стула, а сам он растянулся на листе. Откашлявшись, он избавился от стула: не без труда вытащил застрявшую ногу. Поднялся и отряхнулся.

И тогда он услышал голос, точнее, стон, доносящийся до него как из-под земли.

ТОТ САМЫЙ МОМЕНТ

Данил содрогнулся. Он не ожидал, что здесь кто-то будет. Признаков жизни в доме, как и во дворе, не было. Озираясь по сторонам, он соображал, откуда исходит звук. Приглушённый, как у тонущего, голос говорил с ним, точнее бормотал или мычал. Слов было не разобрать.

Что за шутки?

— Эй! Есть тут кто? — спросил Данил, надеясь, что никто ему не ответит. — Я уже ухожу. Простите, если помешал.

Ответом послужило всё то же невнятное бормотание, но теперь, когда испуг прошёл, стало понятнее, откуда оно шло.

Он напряг слух и, стараясь дышать тише, прошёлся по двору. Звук шёл со стороны деревьев. Они росли близко друг к другу, переплетаясь ветками и качаясь на ветру. Лишь в одном месте деревья расступались, образуя прямоугольник, а потом, огибая землю, снова сходились и стеной уходили в густой лес.

И этот прямоугольник земли выбивался из общего природного ландшафта.

Ровный, засыпанный листвой. Данил приблизился к нему, ступая аккуратно, как делал это до того, пересекая Козий мост.

Звук и правда доносился из-под земли.

Может, там животное какое-то? Но откуда...

— Эй, кто там? — спросил Данил, обращаясь к земле.

Ответ был тем же. Сдавленное бормотание.

— Там кто-то есть? — переспросил он, хотя и сам уже знал ответ.

Данил обошёл это место стороной, держась за стволы деревьев. Он не спешил, глядя перед собой. Когда со стороны дома каркнула ворона, он подпрыгнул. Повернулся и увидел сидевшую на скатной крыше с дымоходом ворону. Дождь барабанил по крыше, покрытой оторванными железными листами.

Глядя на него, ворона каркнула снова.

— Снова ты, дрянь! Проваливай отсюда.

Ворона сидела как ни в чём не бывало, склонив голову набок, изучая его.

Ловким движением Данил снял рюкзак, бросил его на землю между деревьев. Открыл и стал копошиться внутри, поглядывая на ворону: не улетела ли она?

Ворона сидела на крыше, словно ждала расправы.

Да она дразнится!

Тут же, среди голых деревьев, он увидел то, что привлекло его внимание.

В высокой жёлтой траве, придавив её, валялась деревянная лестница. Рядом с ней лежали железные полки и опоры, которые в сборе вероятнее всего представляли бы собой стеллаж. Чуть подальше, у ствола другого дерева, также в траве, прятались старые тумбы с оторванными дверцами, а возле них пустые ящики, наполненные тряпками.

Вот это барахло следует изучить внимательнее. Но сначала ворона, будь она проклята.

Достал рогатку. Запустив руку в карман куртки, нащупал там лишь спички и пакет с печеньем. Подшипников не было.

Он снова полез в рюкзак, нащупал внутри подшипник. Достал, улыбаясь. Натянув резинку на рогатке, он сообразил, что прицелиться ему мешает дерево.

Он сделал шаг в сторону, затем ещё один. Отходя, он не смотрел под ноги. Всё его внимание поглотила ворона. Он и думать забыл о столах и бормотании, что разносилось из-под земли. Всё вокруг ушло на второй план. Важна была лишь ворона.

Данил вышел из-за дерева, целясь в ворону. В предвкушении расправы, он натянул резинку на рогатке, прикрыл один глаз.

Улыбнувшись шире, Данил высунул язык и выстрелил в ворону.

На этот раз он попал. Чёрные перья взметнулись в воздух, птица вскрикнула. Как будто удивилась такому исходу. Ворона вспорхнула крыльями и сиганула с крыши. Полетела прочь, направляясь к деревьям, кренясь одним крылом к земле. Чуть не ударилась об колодец, но вовремя поднялась над землёй.

Данил проводил её взглядом, когда она, пометавшись среди деревьев, рухнула на землю в лесу. Вороний крик стих.

— Вот тебе, получи! — прокричал Данил и, взметнув руки к серому, покрытому набухшими тучами небу, запрыгал под дождём.

На секунду ему показалось, что земля уходит у него из-под ног. Либо это ноги его не держат.

Я что, теряю сознание?

Нет, это не ноги подкосились. Это всё земля.

Он сообразил, что прыгать не следовало. Только не там, где он стоял.

На прямоугольнике земли, лишённом деревьев, когда откуда-то снизу всё так же пробились стоны.

Вот же чёрт...

Данил понял это слишком поздно. Земля расступилась под ним, как лёд на реке зимой. Его глаза округлились, дневной свет, пускай и тусклый из-за непогоды, сменился крошечной тьмой. Дыхание перехватило, как при прыжке в воду на реке.

Провалившись под землю, Данил полетел вниз, хватаясь руками за ветки, листья и грязь, но соскользнул, не в силах удержаться, и неизвестность поглотила его.

Часть 2: На глубине

спустя 5 минут

Он пролетел расстояние, разделявшее поверхность земли и дно под ней, за считанные секунды. Всё его нутро воспарило, когда он оказался в падении. Промокшие русые волосы взметнулись вверх. Он размахивал ногами, ища под собой твёрдую почву, на которую можно было бы опереться. Глаза оставались широко открытыми, пока его ноги не коснулись земли. Точнее, чего-то твёрдого, как камень, под чем-то мягким, как трава.

Данил приземлился на согнутые ноги. Боль пронзила его от пяток до колен, будто в стопы воткнули раскалённые прутья. Следом за этим он упал на спину, моргая: на глазах выступили слёзы. Дыхание спёрло.

Он закашлял, долго и сильно, лёгкие сдавило, как обручем. Ворочаясь с боку на бок и водя ладонями по дну ямы, в которой оказался, он пытался восстановить дыхание. Когда ему полегчало, и он вспомнил, как нужно дышать, то обратил взор к небу.

Над головой виднелась дыра в досках: поломанные части сгнивших досок торчали в разные стороны. Несколько смотрели вниз под углом, готовые рухнуть ему на голову. Дыра была высоко, не меньше трёх метров от пола, и располагалась чуть правее угла ямы, который образовывали две бетонные стены. Дождь, капая с неба, бил ему по лицу.

Найдя в себе силы подняться, Данил сел и осмотрелся.

Он был в темноте, замурованный в бетонной коробке. Две стены и пол точно были из бетона. Он смотрел вглубь ямы, и перед ним простирался мрак.

Нашупав что-то мягкое и тонкое под руками, зачерпнул в кулак правой руки и поднёс к солнечному свету, пробивающемуся через дыру в потолке ямы. Это была солома.

Пахло затхлостью, сыростью и старыми испражнениями.

Данил поборол позыв к рвоте, вызванный, скорее, самой ситуацией, в которой он оказался, нежели запахом. Дышать в яме было можно, но требовалось время, чтобы привыкнуть к этому зловонию.

Это не может быть правдой, не мог он упасть сюда, ну никак не мог...

Но упал. И теперь ощупывал пол, на котором сидел. Да, тот был залит бетоном, но поверх него лежала разбросанная как попало то сухая, то мокрая солома, которая местами плавала в лужах. Вокруг Данила валялись обломки досок: тех самых, что треснули и расступились под его весом.

С потолка, который, насколько он мог судить, разглядывая его в частичной темноте, был целиком из досок: то тут, то там капала вода. Через щели между досками в яму просачивался дождь.

Он сообразил, что всё ещё держит солому в руке. Жёлто-коричневую, как трава наверху. На поверхности, где он только что стоял, готовясь обследовать чужой заброшенный дом на предмет наличия сокровищ.

Наверху.

Слово было предательским. Мысль о том, что он только что стоял на своих двоих среди деревьев, победно вскидывая руки, а теперь сидел здесь, не укладывалась в голову.

Вот же дурак какой же дурак...

Обернувшись, он увидел перед собой такую же стену из серого бетона. По ней стекала дождевая вода и собиралась в углу ямы. Ни лестницы, ни выступов на стене не было.

Он пошарил рукой по соломе в попытке найти рюкзак, но вспомнил, что бросил тот среди деревьев, скинув с себя, когда искал подшипники.

Рогатка.

Он держал в руках рогатку, когда провалился.

В спешке стал искать её на дне бетонной ямы, шаря глазами по полу, но в незначительном, проступающем через дыру в потолке свете дня её нигде не было видно. Вероятно, она отлетела к дальней стене, скрытой в сумраке.

Данил сглотнул, поднялся на ноги и шагнул в темноту: к дальней, окутанной тенью стене ямы.

В следующий миг тень отделилась от стены, сформировав силуэт человека с бледным, покрытым потом лицом. Провалившиеся серые глаза смотрели на Данила вопрошающе. Силуэт...

...человек, это мужчина, живой человек, господи боже!

...протянул трясущуюся руку из темноты. В пальцах он сжимал хромированную рогатку Данила.

— Кажется... это... твоё... парень... — сказал человек хриплым и тихим мужским голосом, похожим на бульканье, пока Данил смотрел на него с открытым ртом.

Но вместо того, чтобы пройти в темноту и забрать рогатку, он попятился назад, пока не упёрся спиной в стену: холодную и сырую. Прижав к ней руки, он сполз по ней на пол. Сел и, склонив голову, прикрыл лицо руками.

Сердце стучало, отдаваясь в ушах.

Нет нет нет этого не может быть не может быть такого

Губы его затряслись. Данил потерял сознание.

спустя 1 час

Данил отрубился. И так и продолжал бы спать, если бы щека не начала зудеть.

Левую щёку словно кусали. Он провёл по ней раз, другой, полагая, что это, вероятно, насекомые, которых в это время года в Сухом Дне обычно уже не бывало. Но кто знает, куда они деваются при смене года? Может, сползаются все сюда, в эту дыру в земле?

Нашупал что-то на щеке, влажной от дождя и слёз. Маленькое с острыми краями, он взял это двумя пальцами. Открыл глаза и, разглядывая на свету, увидел камешек. Он прилип к его щеке. Прежде чем он сообразил, откуда тот взялся, щёку снова ужалило.

Он повернул голову в сторону темноты, к дальней стене ямы. Оттуда на него всё так же взидало мужское лицо.

Данил сообразил, что пока спал, дождь стих. Солнце вошло в пик своей активности, и теперь его косые лучи пробивались через щели в досках потолка, освещая незнакомца.

Ноги он держал вытянутыми, грубые ботинки на них были в грязи и глине. Фигура его так и оставалась силуэтом. Мужчина поднимал с пола маленькие камешки и бросал ими в Данила. Запускал их, зажимая между большим и указательным пальцами правой руки. Стрелял в него камешками.

Когда сделал это в очередной раз, пальцы попали на свет, и Данил увидел, что руку незнакомца покрывала засохшая кровь.

— Очнулся наконец-то... Слава богу! Я думал... ты... сломал себе что... пока летел... и сдох...

— Я в порядке, — выдавил из себя Данил.

В горле пересохло, а от кофе, которым его угостил Щепка, началась ещё большая изжога, чем от печенья мачехи. Положив руку на грудь, он стал дышать чаще и глубже. В тишине ямы этот звук отражался эхом от стен и усиливался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.